

ОТЗЫВЫ

Эта книга — безупречная порция нежности и веселья. Мастерски написанная милая комедия с неповторимым стилем и красочными персонажами. Николас! Экстаз! Мы влюблены.

— Кристина Лорен,
автор книги «*The Honey-Don't List*»

Смешная до слез и одновременно трогательная, одна из моих любимых книг года.

— Дженнифер Л. Арментроут,
автор серии книг «*Жду тебя*»

Щемяще-нежная и смешная история о том, что путь к «жили долго и счастливо» редко бывает прямым и простым. Все, когда-либо состоявшие в отношениях, узнают в книге частичку себя. Эта история наполнена эмоциями, юмором и сексуальным влечением — настоящий удар по чувствам.

— Лисса Кей Адамс,
автор книги «*The Bromance Book Club*»

Проницательный и остроумный взгляд на жизнь, показывающий, что добиться успеха в отношениях можно только трудом и что в основе романтических отношений лежит верность себе и друг другу. Я проглотила книгу за один присест. Освежающий дебют, будете читать запоем!

— Саманта Янг,
автор книги «*Fight or Flight*»

Язвительная героиня, невероятно забавные беззлые шуточки вместе с чудачковатыми персонажами — вы будете смеяться от души.

— *Мейси Эйтс,*
автор книги «*Secrets from a Happy Marriage*»

Я не могла оторваться от этой нетривиальной, проникновенной и одновременно уморительной книги! Сара Хогл — мастер комедийных диалогов, и книга прямо искрит от сексуального напряжения; я болела за Наоми и Николаса с самой первой страницы.

— *Кристин Рокуэй,*
автор книги «*How to Hack a Heartbreak*»

Безумно смешная и невероятно душевная история любви. Я в полном восторге!

— *Кэти Макгэрри,*
автор книги «*Эхо между нами*»

*Моему мужу Маркусу
и нашим четверым детям.
С вами я счастлива везде.*

Пролог

Наверное, сегодня вечером он меня поцелует.

А если нет, я просто умру. Это наше второе свидание, мы сидим в машине на парковке кинотеатра под открытым небом, притворяясь, что смотрим фильм, а сами украдкой поглядываем друг на друга. Фильм длится чуть больше двух часов, и уже целый час и пятьдесят пять минут потрачены зря, мы так и не поцеловались. Не считайте меня совсем отчаявшейся, но, получается, я наложила столько косметики чуть ли не на треть себя, а на его рубашке ничего не останется? Если все пойдет по плану, домой он поковыляет растрепанный и так густо измазанный моим хайлайтером космического сияния, что сможет отражать свет фар. И еще неделю будет пахнуть моими феромонами, даже если насквозь протрет себя мочалкой.

На намеки я не скупилась: облизывала губы, прикусывала, просто невзначай касалась, всячески привлекая внимание, — совет, вычитанный в «Космополитене». И этот блеск для губ специально разработали в лаборатории, чтобы он магнитом притягивал губы других мужчин, действенный, как распушивший хвост павлин. Низменные инстинкты Николаса просто не смогут сопротивляться. Но блеск также притягивает и мои собственные волосы, и я постоянно чувствую чудовищный вкус лака самой сильной фиксации, от которого слезятся глаза, но иногда красота требует жертв. И кроме все-

го прочего, моя левая рука изящно покоится на сиденье ладонью вверх, на случай, если он захочет взять ее и никогда больше не отпускать.

Но все мои надежды начинают рушиться, когда он смотрит на меня, а потом быстро отводит взгляд. Может, он из тех, кто ездит в кинотеатры, чтобы как раз фильмы и смотреть. Или, как ни гоню я эту мысль, он просто не чувствует того же. Если так, то сладкоречивые красавцы уже, бывало, высаживали меня у дома и, как раз когда я думала, что все идет хорошо, исчезали, на прощание поцеловав в лоб.

А потом я вижу: вот он, знак, не зря я ела волосы весь вечер! Знак принял форму пустой обертки из-под мятной жвачки в держателе для стаканов. Я осторожно принохиваюсь и — о да! — запах мятной свежести! Снова проверяю обертку, и все оказывается даже лучше — их там две! Кто просто так берет две жвачки сразу?

Боже мой, сидящий рядом мужчина так прекрасен — я почти уже верю, что сама каким-то образом заманила его сюда! В Николасе мне нравится все, каждая мелочь. Он не выжидал три дня после первого свидания, а позвонил сразу. Все сообщения написаны без ошибок и непристойных фотографий. Да я уже хочу забронировать зал для свадебной церемонии!

— Наоми? — зовет он, и я моргаю.

— А?

Он улыбается, и так очаровательно, что я тоже улыбаюсь.

— Ты здесь?

Нет, потому что люблюсь его профилем и совсем потеряла голову — ведь это самое начало... чего? Я даже не могу сказать «отношений». У нас было всего два свидания. Наоми, соберись.

— Часто выпадаешь из реальности? — предполагает он.

Я чувствую жар от вспыхнувших румянцем щек.

— Ага. Прости. Иногда люди заговаривают со мной, а я даже не слышу.

— А ты забавная, — еще шире улыбается он. — И симпатичная.

Он считает меня симпатичной? Сердце ёкает, в груди разливается тепло. Мысленно я благодарю накладные ресницы и блузку с глубоким, но все еще элегантным вырезом.

Он рассматривает меня, наклонив голову набок.

— Я говорил, что фильм закончился.

Оборачиваюсь к экрану. И правда. Понятия не имею, что там было в конце, да и сам сюжет не опишу. Кажется, что-то романтическое, но кому какая разница? Романтика в этой машине гораздо интереснее. Остальные зрители уже разъехались, оставив нас одних, и мое воображение не преминуло этим воспользоваться. Произойти может все, что угодно. Ведь здесь только мы с Николасом и...

И розовый кардиган, аккуратно сложенный на заднем сиденье, явно женский — и не мой.

У меня внутри все оборвалось, но Николас, проследив за моим взглядом, поспешил пояснить:

— Это для моей мамы.

Но окончательно я верю, когда он вытаскивает из-под кардигана открытку, в которой рядом с поздравлением написано: «Люблю тебя, мама!» В душе все ликует.

— Это так мило, — говорю я, особенно остро ощущая его близость в замкнутом пространстве машины.

Внутри трепещет рой взволнованных бабочек, на глаза постоянно попадают обертки из-под жвачки. Фильм закончился, так чего же мы ждем?

— Спасибо, что привез меня сюда. Таких кинотеатров сейчас мало осталось. Наверное, всего пара штук на всю среднезападную часть США. — А еще сложнее найти тот, что работает круглый год. К счастью, как посетителям, решившимся на подобное безумство в

январе, нам дали бесплатный обогреватель. А с парой пледов необычное зимнее свидание оказалось и вовсе на удивление уютным.

— Вообще-то в штате их восемь, — сообщил он тут же, не задумываясь. Впечатляет. — Есть хочешь? Здесь недалеко киоск, у них лучший замороженный йогурт — ты такого никогда не пробовала.

Замороженный йогурт я не очень люблю (особенно зимой), но мы еще плохо знаем друг друга, поэтому я должна быть само очарование, и если хочу добиться и третьего свидания, нужно показать, что вкус у меня непритязательный. Я просто Наоми, со мной легко и приятно погулять и уж точно приятно встречаться. Может, он поцелует меня после порции замороженного йогурта. И, возможно, расстегнет пару пуговичек на своей рубашке.

— Звучит отлично!

Но он не торопится пристегиваться и заводить машину, медлит, нажимая на кнопки радио, пока не находит жизнерадостную песню в стиле инди, You Say It Too. И я понимаю, что все это время он был таким тихим не потому, что я ему неинтересна, а потому, что он нервничал — как удивительно, ведь все это время от него исходила такая уверенность. Воздух искрит от напряжения, и от предчувствия пульс бешено выстукивает ритм: «Да! Да! Да!»

— Ты прекрасна, — серьезно говорит Николас, повернувшись ко мне. Он колеблется, прикусывает щеку изнутри, и я не могу поверить, что из нас двоих он волнуется сильнее. При его приближении сердце пропускает удар. Склонившись еще ближе, он задерживает взгляд на моих губах, приоткрыв свои, и вот — я уже не могу никого вспомнить, он затмил всех, с кем я когда-либо встречалась. Он умен, очарователен и просто совершенно идеален.

Из-за вставшего в горле комка дышать тяжело, а Николас уже касается моих волос, нежно притягивая мою голову к себе. Он наконец преодолевает последние сантиметры между нами, и во мне загораются предвкушение, изумление — будто от падающей звезды, и у этой звезды есть имя: Николас. По венам струится ощущение невероятной правильности происходящего.

Он целует меня, и я чувствую, что пропала, — именно так я себе это и представляла.

Что за волшебный, невероятный вечер.

Глава первая

Год и девять месяцев спустя

Что за отвратительный, просто чудовищный день. Дождь тарабанит по лобовому стеклу машины моего коллеги, тоже чудовищной, которая пахнет холодной картошкой фри и соснами. Леон постукивает пальцами по рулю, подавшись вперед в попытке разглядеть за окном хоть что-нибудь. Щетки стеклоочистителя работают на предельной скорости, но дождь льет так, будто кто-то разрезал небо прямо посередине и из прорехи вниз с грохотом хлынул океан.

— Еще раз спасибо, что подвез.

— Конечно, обращайся.

Я вдыхаю запах сосны; каким бы ароматизатором ни побрызгал Леон в салоне, теперь этот дух будет преследовать меня весь день. О Леоне я знаю немного, так что вполне вероятно, что в багажнике лежит труп, а осежитель с сосновым запахом просто для маскировки.

— Какой сильный ливень, — говорю я. За Брэнди пораньше приехала сестра, поэтому она помочь не смогла, а Зак сегодня был на мотоцикле, о чем, уверена, уже сто раз пожалел. Подвезти меня предложила и Мелисса, явно надеясь на мой отказ, поэтому так я и сделала. Иногда я себя ненавижу за это желание по-прежнему нравиться ей. С тех пор как я познакомила ее с другом моего жениха, который оказался тем еще бабником, она обращалась со мной очень холодно — решила, что мы с Николасом с самого начала знали, что он такой, и специально уничтожили ее веру в мужчин.

— Да, говорят, неделю не остановится.

— Не повезло детишкам на Хэллоуин.

Леон на мгновение поворачивается ко мне, но тут же вновь переводит взгляд на дорогу — или на то, что от нее осталось. Честно говоря, не представляю, как он может вести машину, потому что лично я не вижу ничегошеньки. Вокруг вообще может быть поле, а не город, я бы и не заметила. Уже самый конец октября, пять градусов тепла. На прошлой неделе я ходила в шортах. А еще за неделю до этого было так холодно, что чуть снег не пошел. Осень в Висконсине просто прелесть.

— Ты будешь раздавать сладости? — спрашивает Леон.

Вопрос скорее риторический. Я люблю сладости и детей, особенно несносных маленьких мальчишек, потому что они забавные. И осень тоже люблю. Весь месяц я пользовалась только золотисто-медными тенями, пытаюсь придать векам то же сияние, как когда нежные лучи закатного солнца падают на грядку с тыквами.

В спальне на полу навалены мягкие свитера, в которых я становлюсь настоящим капитаном морей, сапоги до колена и бессчетное множество шарфов. В каждом блюде чувствуется вкус тыквы. А если я ее не ем, то нюхаю, как настоящий тыквоголик, заставив все доступные поверхности в доме свечами с запахом еды. Тыквенный пирог, яблочный пирог, тыквенная приправа, яблочная тыква.

Мой художественный вкус вызывающе, непростительно прост. Частично на него повлияла продавщица в магазине косметики, сказав, что я — сама осень, видимо, из-за моих янтарных глаз и прямых длинных волос цвета ореха пекан. Но я-то знаю, в глубине своей обожающей шапочки души, влюбленно глазающей на опавшие листья и объедающейся тыквами, что окажись мои глаза и волосы нейтральных оттенков, я останусь простой и скучной. Такая уж ДНК.

И все же у меня нет настроения раздавать конфеты на Хэллоуин. Я даже еще дом не украсила — мое любимое осеннее занятие. Было. Скорее всего, на Хэллоуин я окажусь одна и буду в пижаме на диване смотреть дурацкие передачи, пока Николас играет в приставку в гостях у друга, или же мы придем и ляжем спать в девять, раздав разочарованным детишкам дешевые зубные щетки и зубную же шелковую нить.

— Может быть, — наконец отвечаю я, потому что меня уже ничего не волнует. Катайся я на карусели или составляй список покупок — уровень энтузиазма все равно будет одинаковым. Мысль грустная, но что расстраивает больше всего, так это что делать с этим я ничего не собираюсь.

— Если бы я жил на какой-нибудь оживленной улице, что-нибудь бы приготовил, — отвечает он. — Рядом с моим домом никто и не пройдет.

Такого понятия, как «оживленная улица», в Моррисе в принципе не существует. Городок настолько крохотный, что его с трудом на карте Висконсина разглядишь. У нас и светофоров-то всего два.

Свет фар скачет сквозь дождь, колеса разрезают реки воды, точно Моисей, заставляющий расступиться Красное море. Будь я за рулем, давно бы уже припарковалась где-нибудь и переждала грозу. Но Леону, судя по всему, вполне комфортно. Интересно, он рубит людей на кусочки и складывает их сочащиеся останки в багажник с таким же доброжелательным выражением?

Нет, Леон никогда не давал повода его в чем-либо подозревать. Сейчас мне бы следовало вежливо поинтересоваться, где он живет, или спросить о чем-то еще, но мое внимание приковано к изумрудным цифрам его электронных часов. Дома ли Николас? Господи, только бы его там не было. Наш магазин, «Барахолка», работает с десяти утра до шести вечера, кроме субботы — в этот день он открыт с одиннадцати до семи. Николас

работает дантистом в клинике «Проснись и улыбнись» на главной улице Лэнгли, по которой мы сейчас и едем, и заканчивает он в шесть. Обычно я успеваю добраться домой первой, потому что он заезжает к родителям — привезти своей матери кофе, прочитать вслух какое-нибудь непонятное письмо или выполнить любые другие жалобы, о которых она громогласно нудит ему каждый божий день. Больше двадцати четырех часов без любимого сыночка — и все, сбой в системе.

Этим утром оказалось, что у меня спустило шину. Разглядывая масштабы проблемы, я вдруг вспомнила, как год назад Николас заметил, что меня нужно научить менять колеса. Оскорбленная обвинением в предполагаемом невежестве, я поставила его на место, сообщив, что вот уже несколько лет как прекрасно разбираюсь в процессе. Я современная, ответственная и самостоятельная женщина и с собственным транспортным средством справлюсь сама, никакой мужчина не нужен.

Дело в том, что на самом деле я понятия не имею, как менять колеса.

Погода с утра стояла приятная, грозы ничто не предвещало, так что я пошла пешком, что и привело меня в нынешнюю затруднительную ситуацию — в машину Леона, потому что возвращаться на своих двоих я точно не собиралась. Свитер-то кашемировый.

Моя маленькая ложь про собственные умения слегка вышла из-под контроля, когда отец Николаса, приверженец прискорбно устаревших убеждений, высказал мнение, что женщины не умеют менять в машине масло. Я тут же возразила в ответ:

— Я вас попрошу! Лично я постоянно меняю масло! — Не могла же я не вступить за права женщин. Кто стал бы меня винить? Потом я, кажется, похвасталась, что как-то сама поставила амортизаторы и тормозные колодки и вообще никогда не обращалась к автомеханику. Николас, как мне известно, по приро-